

из современной Эмину западноевропейской культуры и поставлены в ряд с нарицательным существительным — словом «письма», которое является словесным *выражением сугубо индивидуально-го* и хронологически маркированного действия. Это художественное решение ведет Эмина к серьезным последствиям прежде всего во временном плане: историческая ассоциация (что, как говорилось, вызывает у читателя предварительные, определенные ожидания), сменяется двумя именами, тесно связанными с современностью, в которой описываемые события реализуются через призму личного опыта, личной памяти и личных размышлений героев.

Не менее важны и различия в предисловиях двух романов. До начала изложения истории своей Элоизы Руссо (как, впрочем, и многие из первых романистов) вводит образ «издателя», основная задача которого — представить читателю рассказ так, как будто речь идет о каком-нибудь подлинном найденном документе, подготовленном к публикации и прокомментированном. Остановившись на форме эпистолярного романа, женеvский писатель, по всей вероятности, хотел не столько увеличить расстояние между собой и рассказываемой историей, сколько реализовать двуплановое повествование: с одной стороны, повествование, которое ведет рассказчик или, вернее, издатель, публикующий найденные им материалы и представляющий как бы единый взгляд на рассказанные события; с другой стороны — повествование, вытекающее из разнообразия точек зрения четырех переписывающихся персонажей, что, наоборот, позволяло создать многостороннюю картину действительности. Помимо прочего этот прием дал Руссо возможность заменить обобщающие пассажи и замечания от третьего лица, использованные Ричардсоном, краткими и гораздо более легкими и правдоподобными сносками, обращенными к читателю и усиливающими эффект достоверности излагаемого материала. В противоположность Руссо Эмин представляет себя автором романа, уже этим признавая вымышленный характер своего произведения. Кроме того, в процессе повествования он не вмещивается в хор голосов своих персонажей.

Роман Эмина отличается и своим завершением: не трагический смертный исход, который выбрали и Ричардсон и Руссо; не благополучный конец, который обычно присутствует в занимательных романах XVIII века, но постепенное отдаление двух влюбленных, разлученных непонятными обстоятельствами «настоящей» — как пишет Эмин — жизни. Таким образом, ответственность за содержание произведения перекладывается с «подлинности»